

Первухин Нил Григорьевич

**Церковь Ильи Пророка в
Ярославле**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н66

Н66 **Нил Григорьевич П.**
Церковь Илии Пророка в Ярославле / Первухин Нил Григорьевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 165 с.

ISBN 978-5-521-27551-9

ISBN 978-5-521-27551-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

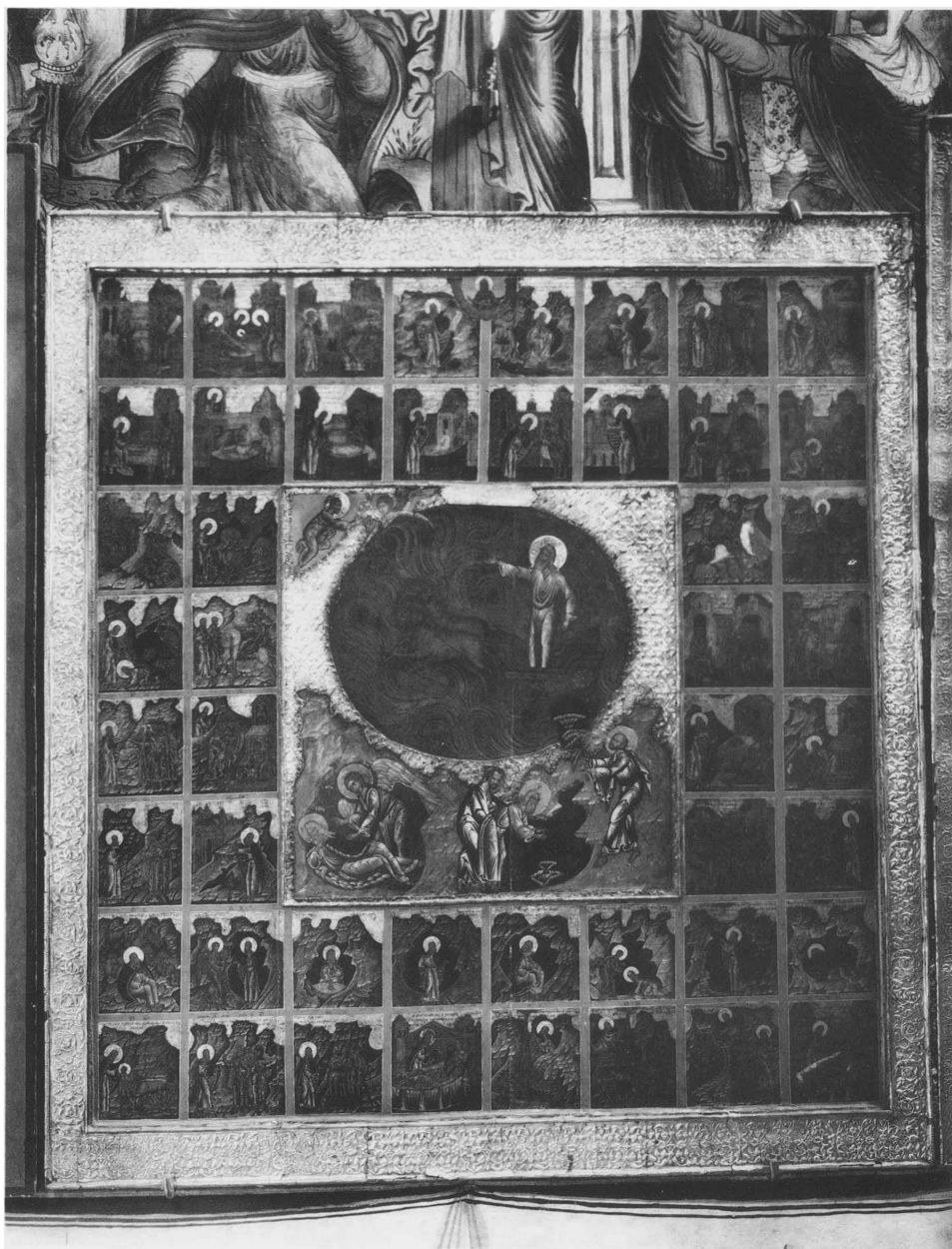
Покръптіе церкви и убранство главъ.

ЦЕРКОВЬ
ИЛИ ПРОРОКА
ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

ТЕКСТЪ Н. ПЕРВУХИНА. ФОТОГРАФИИ И. ЛАЗАРЕВА. РИСУНОКЪ ОБЛОЖКИ
А. КРАСОТИНА.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.
МСМХV.

Печатано въ типографіи К. Ф. Некрасова, въ Ярославѣ, въ количествѣ 500 нумерованныхъ экземпляровъ.

Икона Св. Пророка Илии въ житіи.
Старое приходское спроеііе. XVI в.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ХРАМА.

Въ исторіи русскаго искусства Ярославль занялъ совершенно особенное положеніе. Памятники его художественнаго зодчества, въ противоположность не только Киеву или Великому Новгороду, но и меньшимъ центрамъ культурной жизни старой Руси—Чернигову, Рязани, Звенигороду, Пскову, не даютъ намъ почти ничего даже для XVI-го столѣтія. Зато послѣдній вѣкъ допетровской эпохи представленъ въ немъ съ такой роскошью и исчерпывающей полнотой, какъ нигдѣ въ Россіи, для которой Ярославль и является, такимъ образомъ, драгоценнымъ музеемъ XVII-го вѣка. Но, думается, не только для историка искусства любопытно оплѣтитъ этотъ фактъ художественной цѣлѣности и выдержанности въ обликѣ стараго Ярославля; исторія ярославскаго строительства остается крайне любопытнымъ и оригинальнымъ до загадочности явленіемъ въ области общей исторіи русскаго народа и его церкви.

Въ 1620 г. заложена въ немъ первая каменная приходская церковь—Николы Надѣина, и вслѣдъ за ней, въ теченіе трехъ четвертей одного столѣтія, одинъ за другимъ вырастаютъ до *сорока* каменныхъ храмовъ, изъ которыхъ многіе богатствомъ и изяществомъ своего внѣшняго и внутренняго убранства смѣло превосходятъ знаменитые сорокъ сороковъ Первопрестольной столицы.

Какое-то упоеніе зодчествомъ охватило горожанъ въ этотъ золотой вѣкъ жизни Ярославля. Словно въ Италіи цвѣтущей порой Возрожденія, именитые граждане, богатые купцы, приходскія общины, родовитые князья, даже смиренные схимонахи истощаютъ свои средства, дабы украситъ родной городъ новой каменной хвалой Вседержителю «въ воспоминаніе вѣчныхъ благъ и въ вѣчный поминокъ рода своего».¹ Полная величаваго своеобразія открывается картина эпихъ лѣтъ жизни стараго русскаго города, когда читаешь такіа сухія для бѣлаго взгляда перечневья описи, лѣтописныя сказанія и писцовыя книги XVII вѣка. Вездѣ кипитъ работа. Въ слободахъ стучатъ молоты «на кузняхъ», и мастера кузнечнаго дѣла по куютъ затѣйливыя кресты, по покрываютъ художественной насѣчкой скобки, замки и личины, чтобы и дверной приборъ радовалъ глазъ въ Божьемъ домѣ; по окраинамъ, «на ямахъ», гдѣ протянулись кирпичные сараи на «ярославское городовое каменное дѣло», каменщики изоощряютъ свою фанпазію, терпѣливо обжигая кирпичъ и замысловатымъ гвоздикомъ, и сухарикомъ, и бусой, и розаномъ. По городу бродятъ художественныя артели, во главѣ съ какимъ-нибудь «пресловутымъ изуграфомъ», и съ непостижимой для насъ легкостью покрываютъ сырые своды и стѣны церквей красочнымъ ковромъ росписей, въ художественномъ богатствѣ которыхъ будутъ разбираться цѣлыя поколѣнія. Токари и ползвички довершаютъ декоративныя замыслы зодчаго дивными узорами рѣзбы и нѣжныхъ кафлей.

Бодростью, силой и радостью вѣетъ отъ этой весны ярославскаго искусства, такъ рѣзко прерванной холодомъ реформъ Петра I-го, желавшаго видѣть въ Ярославлѣ только удобный центръ «къ произведенію и умноженію полотняныхъ и другихъ знатныхъ къ полбѣзѣ и славѣ государственной мануфактуръ и фабрикъ...»²

Какъ и всегда въ исторіи, эпопѣя подъема искусства можно объяснить только подъемомъ народнаго духа, который въ свою очередь легко объясняется историческими условіями эпохи.

Начало XVII в. отвело Ярославлю необыкновенную роль. Смутное время рано захватило его въ водоворотъ кипѣвшей политической жизни. Почти два года онъ видитъ у себя сверженную царицу Марину съ ея отцомъ Юріемъ Мнишекъ и со свитой, свыше 350 пановъ и шляхтичей—цѣлымъ польскимъ дворомъ! Но вотъ, Марина уѣхала въ Тушино, и ярославцы признаютъ своимъ повелителемъ ея новаго супруга, второго Лжедмитрія, собравъ ему въ царскій поминокъ огромную по тому времени сумму—30000 рублей.³ Впрочемъ, обаяніе пушинскаго самозванца очень скоро разсѣялось, и уже черезъ годъ Ярославль вновь цѣлуется крестъ царю Василию. Тогда грозный опрядъ польско-русскаго войска Сапѣги, подъ предводительствомъ знаменитаго Лисовскаго, подступаетъ къ городу, выжигая посады и слободы. Но самъ городъ, т.-е. острогъ, вмѣстѣ со Спасскимъ монастыремъ мужественно выдержалъ осаду, и ярославцы, отчаянными вылазками прогнавъ пушинцевъ, воздвигаютъ въ память своего спасенія Казанскую обитель. Послѣ этого Шуйскій дѣлаетъ Ярославль средоточіемъ сѣверныхъ дружинъ, которыя должны были изъ Заволжья итти на соединеніе къ ополченію Ляпунова.⁴ Сверженіе царя и убійство Прокопа Ляпунова не охладил ярославцевъ; по всей Волгѣ они шлютъ грамоты съ призывомъ послѣдовать примѣру святѣйшаго Гермогена патріарха и стать «новыми страстотерпцами за вѣру православную».⁵ Наступилъ 1612 г. Пылкій Мининъ даетъ новый толчокъ «общеземельному дѣлу», и Пожарскій назначаетъ бытъ въ Ярославль сбору великаго, всенароднаго ополченія. Временное правительство четыре мѣсяца не оставляло Ярославля: здѣсь кн. Пожарскому много довелось поработать, обдумывая со своею ратью, со священнымъ соборомъ и посадскими людьми, «какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе». Между тѣмъ, послѣдняя надежда Руси—ополченіе чуть было не погибло за это время отъ страшнѣйшей моровой язвы; но Богу угодно было черезъ одного благочестиваго ярославца явить чудотворный образъ Спасителя, и послѣ торжественнаго крестнаго хода съ новой святѣйшей и Толгской иконой Божіей Матери, язва прекратилась. Благодарное войско воздвигло обиденный храмъ Спаса и, укрѣпленное чудеснымъ знаменіемъ, двинулось спасать Москву и родину.

Въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года ярославцы уже встрѣчали новоизбраннаго царя всея Руси Михаила Ѳеодоровича и «отъ радости не можаху въ слезахъ и промолвити». Юный царь загостился здѣсь; отсюда имъ послана и первая царская грамота о согласіи принять вѣнецъ Мономаха. Опять Ярославль дѣлается временной столицей, мѣстомъ великаго стеченія народнаго, мѣстомъ великаго торжества. Насталъ желанный конецъ подвиговъ.⁶

Мы видимъ, какъ великая эпопея русскаго лихолѣтя захватила Ярославль, сдѣлавъ его однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ славной борьбы за освобожденіе родины. Эта борьба ведется прежде всего подъ знаменемъ вѣры, подъ знаменемъ православія, и если порывъ патріотизма, послѣ особенно яркой вспышки, вошелъ поспешно въ свое обычное русло, то религиозное чувство не ослабѣваетъ въ Ярославль цѣлое столѣтіе. Новыя чудотворныя иконы прославляются дивными знаменіями. Предъ очами многотысячной толпы прозрѣваютъ слѣпцы, пророчествуютъ юродивые, слышатъ глухіе, и бѣсноватые громко гласно славятъ Бога за свое исцѣленіе. Язва ли посѣтитъ городъ, или засуха сожжетъ поля и сады, «яко землѣ разсѣдаться, звѣрямъ рыкати»,—въ городѣ объявляется всенародный постъ и молитва. Во время страшнаго мора глухой зимней ночью мимо открытыя храмовъ со свѣчами и факелами подвигается крестный ходъ; и умиленно говоритъ лѣтописецъ, что «была та ночь Ярославлю, какъ день свѣтла, и всѣмъ малымъ и великимъ радость несказанная, яко ни мраза ни зимы не чуяши».⁷

Снятся юнымъ и старцамъ сны несказанные: то святая Одигирія и кадило предъ иконою, омиваюмъ благоухающее, а надъ Ней древо многолиственное, то цвѣты неизреченной красоты на живописующемъ крестѣ. «И съѣлъ онъ (Спасскій іеродіаконъ Гордіанъ) тотъ цвѣтокъ и исцѣлѣлъ отъ тяжкаго недуга. А былъ тотъ Гордіанъ изъ навѣкишихъ иконному художеству и, возставъ отъ одра, написалъ, какъ повелѣно было свыше, образъ Живоначальной Троицы». Позже онъ дѣлается игуменомъ и воздвигаетъ во имя Св. Троицы каменный храмъ.⁸ Такъ сливалось святое съ прекраснымъ, и религія рождала искусство.

Входъ въ храмъ Пророка Іліи.

4

